

Е. Л. Боярская

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ МНОГОЗНАЧНОСТИ

Рассматривается полисемия как концептуальный феномен, приводится краткий обзор работ отечественных и зарубежных лингвистов, занимающихся исследованием явления многозначности. Особое внимание уделяется вопросам организации полисемии в ментальном лексиконе.

The article focuses on polysemy as a conceptual phenomenon. The author gives a brief overview of the works of Russian and foreign linguists specializing in the study of Polysemy. Special attention is given to the representation of polysemy in mental lexicon.

Ключевые слова: полисемия, ментальный лексикон, смыслы, значение, когнитивные категории.

Key words: polysemy, mental lexicon, senses, meaning, cognitive categories.

Проблема многозначности всегда была и остается в фокусе лингвистических исследований. Как справедливо отмечал В.В. Виноградов, «ни один язык не был в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Язык вынужден разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий...» [1, с. 18]. Естественные языки не могут не развить многозначности своих единиц, так как при их ограниченном числе это позволяет выражать гораздо большее число значений, достигая языковой экономии. Полисемия есть конститутивное свойство естественных языков [4, с. 203]. В английском языке около 40 % слов являются многозначными. По другим данным, более 58 % слов, зафиксированных тезаурусом П. Роже, являются полисемантами.

Вопрос о многозначности, ее природе и особенностях затрагивался в работах А. Дармстетера, Г. Пауля, М. Бреалья, Д. Киттреджа, А. Мейе, Э. Велландера, Х. Сперберга, Дж. Триера, Л. Блумфилда, С. Ульмана, М. Бирвиша, Р. Якобсона. Исследованием полисемии занимались такие видные отечественные ученые, как И.В. Арнольд, Ю.Д. Апресян, Р.А. Будагов, М.М. Покровский, А.А. Потебня, А.И. Смирницкий.

Было опубликовано значительное количество монографий по лексической полисемии (И.В. Арнольд, Э.М. Медникова, Е.Л. Гинзбург, Ф.А. Литвин, И.Г. Ольшанский, Е.Г. Белявская, М.Н. Лапшина, Л.М. Лещёва). Многие другие авторы также касались в своих работах проблемы многозначности (В.В. Виноградов, В.Г. Гак, М.В. Никитин, Д.Н. Шмелёв и др.).

Предметом оживленного обсуждения были и остаются регулярность полисемии как ее неотъемлемая черта (Ю.Д. Апресян, Н.Н. Сальникова, Э.В. Кузнецова, З.И. Бабицкене, С.П. Афанасьева, Т.А. Алексеевко), соотношение ЛСВ в структуре полисеманта (М.А. Гопштейн, Э.В. Кузнецова, Л.М. Лещёва, З.И. Харитончик).

В середине нашего столетия в языкознании начинает утверждаться когнитивная парадигма. Этому способствовало развитие информационных технологий и достижение определенных результатов в области создания искусственного интеллекта. Главной целью исследований являлось воссоздание механизма работы когнитивной системы человека. Достижение этой цели невозможно без разрешения проблемы многозначности. Целый ряд ученых считают эту проблему одной из центральных в современной лингвистике (Дж. Лайонс, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Д. Круз, К. Бругман, Е. Свитсер).

Когнитивные аспекты многозначности получили отражение в работах многих отечественных (С.К. Сеидмамедова, Л.Б. Овакимян, М.Н. Лапшина, Л.М. Лещёва, Е.С. Кубрякова, М.В. Никитин) и зарубежных лингвистов (П. Дин, Р. Джэкендофф, А. Вержбицка, Дж. Лакофф, Л. Липка, Д. Геерертс, Дж. Тейлор, Дж. Пустейовский и др.).

Особо следует отметить исчерпывающий анализ явления многозначности, представленный в многочисленных трудах А. Зализняка.

Как видно из краткого обзора литературы, приведенного выше, конец XX века ознаменован новым подъемом интереса к многозначности. Появились работы, имеющие огромное значение не только для когнитивных исследований, но и для теории значения в целом.

Как известно, многозначность является неотъемлемой чертой естественных языков, их конститутивным свойством. Она, с одной стороны, представляет собой следствие, вытекающее из природы языка, а с другой — исходит из особенностей функционирования сознания. Слова естественных языков представляют универсальную основу для развития многозначности, практически

любая единица языка имеет достаточный потенциал для развития новых значений, обозначающих различные понятия, тем самым демонстрируя на практике принцип экономии когнитивного усилия.

Когнитивная лингвистика внесла значительный вклад в понимание природы многозначности. Многозначность является конститутивным свойством языка и речи, которые представляют собой примеры деятельности, когнитивной по своей сути и характеру.

Ранние исследования когнитивной природы многозначности по праву приписывают П. Дину, который считается одним из ведущих специалистов, занимающихся описанием когнитивной природы многозначности. Теоретическими предпосылками проведенного им анализа полисемии с точки зрения когнитивной теории явились работы Дж. Андерсона, посвященные созданию общей архитектурной модели познания, Дж. Лакоффа и М. Джонсона по способам организации абстрактного знания и теория релевантности Д. Шпербер и Д. Вилсона. П. Дин разработал свою собственную теорию полисемии, которая интегрировала все лучшее из вышеперечисленных работ.

По его мнению, существуют, по крайней мере, три ключевых момента, на которые необходимо обращать внимание при рассмотрении вопроса полисемии:

- 1) выбор смысла (sense selection);
- 2) семантическая связанность (semantic relatedness);
- 3) категориальная принадлежность (category identity).

Проблема выбора адекватного значения (смысла) неотъемлема от рассмотрения лексической многозначности — этот выбор осуществляется в результате анализа фиксированного набора конвенциональных значений с учетом контекста. При этом, как указывает П. Дин, многие виды полисемии попросту не могли бы быть реализованы без помощи экстралингвистического и лингвистического контекстов [6, p. 342]. При выполнении операции выбора не только отбирается адекватное значение из числа уже существующих, но также может создаваться новое значение, привязанное к контексту, на что также неоднократно указывал в своих работах Дж. Нанберг [10, p. 198].

Семантическая связанность всегда находилась в фокусе внимания при рассмотрении многозначности, так как именно это является одним из свойств, отличающих полисемию от омонимии. Что касается полисемии, то в данном случае семантическая связь может быть подтверждена экспериментально, о чем свидетельствуют исследования ряда авторов (А. Лерер, О. Панман).

По мнению П. Дина, практически невозможно найти общее стержневое значение для всех вариантов слова, а несвязанные смыслы, напротив, могут иметь много общих черт, что отнюдь не делает их связанными.

Исследования ряда ученых доказали, что относительно небольшой набор базовых концептов (концептуальных структур) связывает, соотносит производные значения, соединяя их в общем знании людей (Дж. Лакофф, М. Джонсон). Иными словами, семантическая связанность есть продукт функционирования человеческого сознания.

Главный вывод, к которому приходит подавляющее большинство ученых, состоит в том, что полисемия, ранее считавшаяся неподдающейся объяснению, не является таковой, если рассматривать ее с точки зрения когнитивной теории категоризации. Она представляет собой *естественное следствие гибкости концептуальной организации и особенностей ее структуры*.

Л.М. Лещёва идет дальше в своих выводах, говоря не только о возможности объяснения сути когнитивных основ полисемии. Принимая во внимание их универсальный характер, исследователь говорит о возможности существования определенных закономерностей в области семантической вариативности слов [3, с. 88].

Еще одной важной темой в рамках теории полисемии является исследование ее организации в ментальном лексиконе. Данная проблема занимает умы ученых в течение последних двадцати лет. В рамках теоретической лингвистики получила развитие концепция лексикализма, в соответствии с которой в лексиконе должна присутствовать вся информация, касающаяся действительного, возможного и вероятного поведения слов [7, p. 319]. Возникла необходимость создания некой формальной системы для выражения лексической информации. Предметом особенно пристального внимания стал способ представления и хранения полисемантических лексических единиц в ментальном лексиконе.

Некоторые ученые полагают, что слово присутствует в сознании во всей системе значений, узуальных и потенциальных, готовых при необходимости всплыть на поверхность. Подобная лексоцентричная точка зрения была высказана в свое время академиком Виноградовым [1, с. 17] и поддерживается ведущими когнитологами, занимающимися исследованием многозначности [3, с. 183]. Существует и противоположная точка зрения, в соответствии с которой в лексиконе присутствует базовое, начальное значение полисеманта, а производные значения выводятся в соответствии с определенными правилами, которые также хранятся в сознании. Данная теория берет свое начало в психолингвистических исследованиях, проводимых в начале 1970-х годов.

А. Кармаза и Е. Гроубер, рассматривая полисемию с точки зрения психолингвистики, полагают, что было бы неэкономно держать в памяти все значения многозначного слова, поэтому в ней хранятся только *фиксированные абстрактные стержневые значения*, а от них производятся конкретные значения в соответствии с

данным контекстом. Ученые обнаружили зависимость между степенью развития полисемии лексемы и степенью абстрактности ее стержневого значения: «Эти стержневые значения будут отличаться по степени абстрактности, которая в свою очередь предопределяет степень вероятности допущения полисемии; чем более полисемантична репрезентация, тем более она абстрактна и наоборот, чем менее она полисемантична, тем менее она абстрактна» [5, p. 200].

Кармацца и Гроубер предположили, что в некоторых случаях формирование концептуальных структур предсказуемо. Например, слова, обозначающие температуру объектов, регулярно соотносятся с ощущениями, получаемыми от них: *warm* – *warm coat*. Однако семантический спектр многих слов неопределен и может быть расширен за счет метафорического использования до такой степени, что новые значения, получаемые в контексте, не могут быть перечислены в виде конечного списка и их невозможно предвидеть. Ученые считают возможным построение конкретного значения слова, зависящего от контекста. Они приписывают фиксированное абстрактное стержневое значение каждому слову лексикона. Это значение не зависит от контекста и не реализуется как лексико-семантический вариант. Конкретное значение слова образуется от абстрактного стержневого значения в соответствии с определенным контекстом и по определенным правилам. Применение данных правил должно быть ограничено общим знанием человека о мире.

Несколько иное понимание термина абстрактности значения можно найти у М. Бирвиша, создателя дуалистического подхода к рассмотрению лингвистических явлений (с когнитивной и семантической точек зрения). Ученый провел системный анализ различного рода полисемантичных структур и сформулировал гипотезу об обработке подобных структур в ментальном лексиконе. Он полагал, что существует определенный слой, принадлежащий области лингвистической компетенции, где строятся и оформляются семантические структуры. Данный слой отличен от нелингвистического концептуального слоя. Лексикон ассоциирует каждую лексическую единицу с *абстрактным комплексным значением*, которое состоит из семантических частей (*primes*). Именно абстрактные значения содержат *стержневое значение*, общее для всех вариантов многозначного слова. Во многих случаях абстрактные комплексные значения представляют собой не естественные концепты, а скорее открытые концептуальные схемы. Ученый полагал, что возможно проведение двух видов операций, определяющих вариации развития производных значений слова и имеющих непосредственное отношение к общим принципам формирования концептуальной структуры полисеманта: концептуальный сдвиг и концептуальную дифференциацию.

Дж. Нанберг, изучая многозначность с точки зрения лексической семантики, представляет ментальный лексикон в виде упрощенного списка, в котором каждое значение ассоциируется с некоторым фиксированным значением по договоренности (*by convention*). Дополнительные прочтения слова воспринимаются как омонимы или как ЛСВ слова. Нанберг утверждает, что различные значения слова должны рассматриваться как варианты, связанные по определенной схеме. Ученый полагал, что ни один из этих вариантов не является центральным. Значение слова в некотором смысле неопределенно, а процедура его идентификации совпадает с определением референта и оценкой его функции. Нанберг считает прототипическое использование (маркирование одного из прочтений в качестве первичного) неадекватным истине [11, p. 179].

П. Норвиг и Дж. Лакофф, исследуя полисемию в рамках прототипической семантики, полагают, что абстрактное нейтральное значение, общее для всех вариантов, невозможно. Ученые не пытаются объяснить структуру полисемантичного слова с точки зрения теории прототипов, как можно было ожидать, а делают это исходя из теории Витгенштейна, используя понятие «семейное сходство». Варианты слова связываются в сеть (*network*), где центральное значение отнюдь не центр сети. Они приписывают центральный статус одному концептуальному варианту слова. Остальные варианты рассматривались как производные от него. Под центральным понимается доминирующее значение, точка семантического отсчета, от которой остальные варианты могут быть образованы путем привнесения минимальных семантических отличий. В соответствии с этим подходом даже сильно различающиеся и, казалось бы, не связанные производные значения полисеманта могут быть связаны посредством промежуточных, семантически близких вариантов. Структура сети, предложенной П. Норвигом и Дж. Лакоффом, напоминает «дерево», хотя многие другие лингвисты (Дж. Тайлор) предпочитают термин «цепь» (*meaning chain*). Переход от варианта к варианту, а вернее сказать, от когнитивного шага к когнитивному шагу, следовательно, от семантического к семантическому происходит в направлении от центрального варианта к производным. Поэтому довольно часто исследователи обращаются к рассмотрению метонимических и метафорических переносов имени с точки зрения теории прототипов (Дж. Лакофф). Другие виды связи между вариантами представляют собой отношения ролевой дифференциации – так называемый “*profile shift*”. Говоря о теории П. Норвига и Дж. Лакоффа, необходимо помнить, что сеть значений полисеманта с их точки зрения не обладает прототипической структурой. Варианты, которые по теории прототипов могут быть расположены в

категории довольно близко, в структуре полисеманта могут находиться на значительном расстоянии друг от друга.

К. Шварц и М.-Т. Шеппинг занимались исследованием полисемии в рамках так называемой двухуровневой семантики (two-level semantics) — направлении, берущем свое начало в работах М. Бирвиша. Данное направление предполагает рассмотрение различных языковых явлений на двух уровнях — на уровне семантики и на концептуальном уровне. Ученые приходят к выводу, что полисемия концептуально мотивирована [13, р. 289]. Следовательно, было бы неправильно представлять полисемант как простой список значений, равных друг другу по статусу. К. Шварц и М.-Т. Шеппинг постулируют положение, что в когнитивной структуре полисеманта присутствует основное (начальное) значение, а производные значения образуются от него в соответствии с рядом правил, которые также хранятся в сознании. Задаваясь вопросом, что представляет собой начальное значение, исследователи останавливаются на уже ставшей классической дилемме — что является центральным в структуре многозначного слова — значение, репрезентирующее нейтральную абстрактную информацию, или значение, более богатое в информационном плане. В результате ученые приходят к выводу, что центральным в структуре полисеманта может считаться значение, от которого производные значения могут быть образованы с наименьшими когнитивными усилиями. По нашему мнению, подобный подход к определению центрального значения необычайно усложняет процедуру проведения анализа структуры полисеманта, делая ее отчасти субъективной, ибо трудно найти объективный критерий оценки когнитивных усилий, затраченных на развитие производного значения.

П. Пауз, А. Ботс и М. Эгт разрабатывали различные подходы к репрезентации значений многозначного слова в рамках дуалистической теории М. Бирвиша — двухуровневой семантики. Они выделяют концептуальный и семантический уровни репрезентаций. Значение любой лексической единицы представлено на семантическом уровне как стержневое. Ученые полагают, что обработка когнитивной (концептуальной) и семантической информации должна протекать параллельно и по аналогичным моделям [12, р. 266]. Стержневые значения репрезентируют семантическую композицию лексемы, а лексикализованные концепты детерминируют выбор адекватного контекста. В результате эти элементы определяют конкретное значение лексической единицы в данном контексте использования.

Наиболее перспективным, по мнению многих авторов, является репрезентация полисемии с помощью имидж-схем. Между производными значениями полисеманта и концептуальным знанием существуют тесные и сложные взаимоотношения. В основе концептуального знания лежит доконцептуальный опыт (Дж. Лакофф, Е. Свитсер). Фоновое знание принимает форму так называемых имидж-схем. В свою очередь, знание, основанное на имидж-схемах, представляет собой своеобразный фундамент для развития более абстрактного знания, лежащего в основе связей между производными значениями полисеманта [7, р. 16].

Как известно, имидж-схемы имеют три основных свойства:

- фиксируют телесный физический опыт, к которому схема уходит своими корнями;
- представляют собой элементы, характеризующие внутреннюю структуру схемы;
- фиксируют определенные логические правила, направляющие рассуждения, основывающиеся на схеме.

Образование производных значений (расширение смысла) может быть реализовано различными путями. Самым распространенным является, пожалуй, путь трансформации имидж-схем, при котором систематические отношения между двумя смыслами основываются на лежащей в их основе имидж-схеме.

Смыслы многозначного слова соотносятся через метонимическое и метафорическое картирование.

Расширения смысла полисемантического слова имеют системный характер. Отношения конкретного периферийного смысла к центральному смыслу может представлять собой как прямую связь между двумя значениями, так и непрямую — через промежуточные смыслы. На все расширения смысла накладываются ограничения типом связи, соединяющей центральное и периферийное значения, а также знанием, которое воплощено в имидж-схеме и репрезентируется в центральном смысле [9, р. 91]. Данное утверждение противоречит точке зрения, в соответствии с которой значение слова состоит из многократно повторяющихся комбинаций семантических примитивов. В этом случае непонятно, почему отдается предпочтение тому или иному набору концептуальных или семантических черт. Ограничения на возможные значения налагаются извне и определяются соответствием между концептуальными и семантическими чертами, а также событиями и явлениями реального мира (З. Пилишин). При рассмотрении явления многозначности можно отметить, что многие из происходящих расширений значения произвольны. Они являются результатом семантических инноваций, метафорического и метонимического картирования, ведущих к образованию нового значения.

Среди всего многообразия подходов к рассмотрению явления полисемии в современной когнитивной лингвистике в качестве основополагающих могут быть названы следующие положения [2]:

- 1) все языковые единицы многозначны;

2) для многозначной языковой единицы не существует единого (инвариантного) значения, такого, что все остальные являются его вариантами;

3) значение языкового выражения может быть представлено в форме его схематического образа (образ-схемы);

4) значения языкового выражения образуют категорию, имеющую радиальную структуру, в которой центральный элемент связан со всеми остальными посредством трансформаций образ-схемы (т.е. ментальных операций, позволяющих говорящему связать концептуально близкие конфигурации как варианты одной базовой образ-схемы), а также метафоры;

5) нецентральные (производные) значения не могут быть предсказаны на основании центрального, но они мотивированы им, а также трансформациями образ-схемы и метафорическими переносами.

В целом когнитивный подход к рассмотрению многозначности, разработка когнитивной модели многозначного слова позволяют увидеть, как внутренняя когнитивная репрезентация реального мира, которую имеет каждый индивид, отражается в структуре многозначного слова. Данный подход отличается от многих других, предлагающих делать четкое, строгое разграничение между когнитивным и лингвистическим знанием.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1972.
2. Зализняк А. А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 20–45.
3. Леуцёва Л. М. Когнитивные аспекты лексической полисемии. Минск, 1996.
4. Никитин М. В. Курс лексической семантики. СПб., 1997.
5. Saramazza A., Grober E. Polysemy and the structure of the subjective lexicon // Semantics: theory and application / ed. by C. Rameh. Washington, 1976. P. 181–206.
6. Dean P. Polysemy and cognition // *Lingua* 75. 1988. P. 325–361.
7. Johnson M. The body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago; L., 1987.
8. Kilgarriff A. Inheriting polysemy / University of Sussex. Brighton, 1992.
9. Lakoff G. Women, fire and dangerous things: what categories reveal about the mind. Chicago, 1987.
10. Nunberg G. The pragmatics of reference: doctoral dissertation. CUNY Graduate Centre, 1978.
11. Nunberg G. The non-uniqueness of semantic solutions: polysemy // *Linguistics and philosophy*. 1979. Vol. 3. P. 143–184.
12. Pause P., Boltz A., Egg M. A Two-Level Approach to polysemy // *Current issues in linguistic theory: lexical knowledge in the organization of language*. Amsterdam; Philadelphia, 1995. P. 247–281.
13. Schwarze Ch., Schepping M.-T. Polysemy in a Two-Level-Semantics // *Ibid.* P. 114–299.

Об авторе

Е. Л. Боярская — канд. филол. наук, доц., РГУ им. И. Канта, boiarskaia@gazinter.net.

Author

E. L. Boyarskaya — P